

16410

11. 11. 1882, 11

10. 11. 1881

16410.

Р. М. 1899, IV

Дружинин Н.

79203

На сходахъ волости особаго устройства.

Самою характерною чертой фактическаго положенія нынѣшняго крестьянскаго самоуправления, уничтожающею юридическую сущность этого вида мѣстнаго управленія, является, безъ сомнѣнія, его полная приниженность, подавленность, зависимость, — слѣдовательно, нѣчто даже бѣльшее, чѣмъ отсутствіе самостоятельности, составляющей необходимую принадлежность всякаго вида самоуправления *)... Еще К. Д. Кавелинъ, въ книжкѣ, вышедшей въ 1882 году, справедливо замѣтилъ: «Въ чемъ заключаются недостатки крестьянскаго самоуправления? Они сводятся, главнымъ образомъ, въ двумъ: по имени, по названію, по наружнымъ формамъ, принципъ его есть самоуправленіе. На самомъ же дѣлѣ, въ дѣйствительности, самоуправленія вовсе не существуетъ. На дѣлѣ крестьянами управляютъ разнаго рода власти, назначаемыя правительствомъ, выбранныя отъ земства и отъ дворянства, — и это дѣйствительное самоуправленіе во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительно» **). Но если слова эти были вѣрны относительно времени, предшествовавшаго введенію въ значительной части Россіи въ дѣйствіе законоположеній 12 іюля 1889 г., то насколько печальнѣе должно быть ихъ значеніе относительно нынѣшняго времени?...

Особенно подавляющее значеніе для крестьянскаго самоуправления имѣетъ широко распространившійся, несоотвѣтствующій закону, обычай присутствованія земскихъ начальниковъ на общественныхъ сходахъ. Наблюдающееся непосредственное участіе земскихъ начальниковъ въ дѣятельности сходовъ, въ роли всесильныхъ предсѣдателей, обладающихъ дискреціонною властью и надъ обыкновенными членами сходовъ, и надъ должностными лицами, — естественно, и не можетъ дать иныхъ слѣдствій, кромѣ подавленія самостоятельности крестьянскаго самоуправления ***).

Но земскіе начальники присутствуютъ обыкновенно на волостныхъ сходахъ

*) См. нашу статью: *Основные вопросы крестьянскаго самоуправления*, въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ *Сѣвернаго Вѣстника* за 1897 г.

**) *Крестьянскій вопросъ*, стр. 116.

***) См. въ іюльской книжкѣ *Новаго Слова* за 1897 г. нашу статью: *Можетъ ли земскій начальникъ присутствовать на крестьянскихъ сходахъ?*

дахъ. Сельскіе сходы сохраняютъ еще нѣкоторую долю своей самостоятельности, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ ея проявленія. Въ волостяхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, крестьянское самоуправленіе не представляется еще совершенно подавленнымъ разсматриваемымъ обычаемъ. Оно обнаруживаетъ еще въ такихъ волостяхъ нѣкоторые признаки жизни.

Но есть волости, въ которыхъ самостоятельность крестьянскаго самоуправления, благодаря указываемому обычаю, представляется уже совершенно убитою. Это тѣ волости, которыя состоятъ изъ одного сельскаго общества. Здѣсь общественный сходъ одинъ, рѣшающій всѣ дѣла, отнесенныя къ вѣдомству какъ сельскаго, такъ и волостного *). И на этомъ сходѣ еще чаще, чѣмъ на волостномъ, присутствуетъ земскій начальникъ. Безъ него сходъ такой волости почти никогда не происходитъ. Понятно, что крестьянское самоуправленіе и должно представляться здѣсь уже совершенно подавленнымъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, необнаруживающимъ признаковъ жизни.

Это именно и оказывается въ одной изъ волостей, которыя намъ пришлось наблюдать. Пусть дѣйствительная жизнь говоритъ сама за себя, своими картинами, своимъ для всѣхъ вразумительнымъ языкомъ. Воспроизводимъ ее фотографически **).

I.

Барановская волость населена единственно крестьянами, бывшими государственными, водворенными на собственныхъ земляхъ, вышедшими изъ крѣпостной зависимости еще въ 1833 году въ званіе «свободныхъ хлѣбопашцевъ». Особенности ихъ положенія въ значительной степени стерлись и забылись, при постепенномъ распространеніи на всѣ разряды крестьянъ сельскихъ обывателей законоположеній, выработанныхъ для крестьянъ крѣпостныхъ. Особенности эти только глухо держатся въ народномъ сознаніи. Земля оплачена давно. Мѣстные крестьяне владѣютъ ею безъ передѣловъ. По существу, они имѣютъ на нее право личной собственности. Такого убѣжденіе самихъ крестьянъ. Но это положеніе не получаетъ полного признанія со стороны мѣстной администраціи. Споры о землѣ отнесены практикою мѣстныхъ учрежденій къ вѣдѣнію схода и вообще административныхъ, а не судебныхъ установленій. Поземельныя отношенія крестьянъ Барановской,

*) Положеніе такихъ волостей заслуживало бы, казалось, особаго вниманія. Между тѣмъ, страннымъ образомъ, о нихъ не имѣется и простого упоминанія въ *Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ*.

**) При слабомъ вниманіи, которое удѣляется вопросамъ юридическаго быта крестьянъ, почти вовсе не имѣется уже въ нашей литературѣ опытовъ непосредственнаго описанія крестьянскихъ сходовъ, живыхъ картинъ крестьянскаго самоуправления... Не много такихъ картинъ и въ извѣстной книгѣ покойнаго Н. М. Астырева *Въ волостныхъ писаряхъ*.

какъ и другихъ сосѣднихъ волостей бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ, представляются отъ этого неопредѣленными, неясными, запутанными,—и дѣла, возникающія изъ нихъ, безконечными, крайне тягостными *).

Трудно установить съ надлежащею точностью, откуда возникла особенность положенія Барановской волости, заключающаяся въ томъ, что она состоитъ изъ одного сельскаго общества съ соотвѣтствующими измѣненіями въ отношеніи управленія ея дѣлами. Во всякомъ случаѣ, представляемая ею особенность не предусмтрѣна закономъ, не опирается на законъ. Законъ допускаетъ образованіе волости изъ одного значительнаго селенія **). Но здѣсь сорокъ три селенія ***). Такъ же или иначе, благодаря такой особенности, въ Барановской волости, какъ и во всякой иной общинѣ-волости, волостной сходъ замѣняется сельскимъ и къ вѣдѣнію одного схода отнесены предметы вѣдѣнія обоихъ сходовъ, установленныхъ въ области крестьянскаго самоуправленія,—сельскаго и волостного.

При такихъ условіяхъ, по закону, для созыва схода, не требуется разрѣшенія земскаго начальника и не представляется послѣднему самый списокъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію схода ****). Но, въ силу особаго распоряженія земскаго начальника, на созывѣ схода каждый разъ испрашивается его согласіе. Земскій начальникъ имѣетъ при этомъ обыкновеніе почти всегда, за самыми рѣдкими исключеніями, присутствовать на сходахъ самолично.

Какъ и въ каждой общинѣ-волости, здѣсь нѣтъ сельскихъ старостъ. Мѣсто старосты сельскаго общества, изъ котораго состоитъ волость, занимаетъ волостной старшина съ избираемымъ, для содѣйствія ему, въ его распоряженіе, помощникомъ. Отсутствіе же старосты дѣлаетъ необходимымъ существованіе особаго сборщика податей. Вообще, составъ управленія, по своей численности и по издержкамъ на его содержаніе, такой же, какъ если бы волость была раздѣлена на два сельскихъ общества.

Сходъ бываетъ весьма многочисленный. Въ составѣ его считается свыше трехсотъ домохозяевъ. Собирается же обыкновенно до двухсотъ человѣкъ, изъ которыхъ у значительной части по два голоса,—свой и по передачѣ, допущенной однимъ изъ дополняющихъ въ значительной степени положенія о крестьянахъ Высоч. утв. положеній главнаго комитета объ устройствѣ

*) См. докладъ нашъ *О поземельныхъ правахъ бывшихъ свободныхъ хлѣбопашцевъ*, читанный въ гражданскомъ отдѣленіи Спб. Юридическаго Общества 26 марта 1898 г. и напечатанный въ №№ 11 и 12 журнала *Жизнь* за 1898 г.

**) Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 45.

***) Весьма любопытно, что общины-волости, образованныя съ такимъ отступленіемъ отъ закона, встрѣчаются нерѣдко. Такъ, въ сосѣдней съ Барановской общинѣ-волости другого уѣзда считается шестьдесятъ три селенія.

****) *Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учреждений по крестьянскимъ дѣламъ*, составленный И. Л. Горемыкинымъ, изд. 3-е, 1898 г., т. I, ч. I, Общее положеніе о крестьянахъ, ст. 74, и разъясненіе къ ней изъ опредѣленія гражданскаго касса. департамента правит. сената отъ 7 марта 1885 г.

сельскаго состоянія. Женщины вовсе лишены здѣсь представительства на сходѣ. Это—издавна, со временъ вотчиннаго управленія. Никто не помнитъ даже, чтобы когда-либо женщины допускались здѣсь къ участию въ дѣятельности сходовъ. Не только, какъ и въ сосѣднихъ волостяхъ, мужья, отлучаясь надолго изъ дому, не могутъ поручать женамъ участвовать вмѣсто себя на сходахъ и обязываются передавать свои голоса за деньги мужчинамъ-однообщественникамъ (подъ угрозою, въ противномъ случаѣ, невыдачи паспорта), но и вдовы-домохозяйки, владѣющія землею и аккуратно выплачивающія всѣ повинности, не могутъ ни лично присутствовать на сходахъ съ правомъ непосредственнаго голоса, ни даже уполномочивать на это мужчинъ. Дворы такихъ женщинъ вовсе остаются безъ представительства въ общественномъ управленіи. Мѣстная власть не обращаетъ на это вниманія. Въ то же время не является и возраженій противъ такого порядка... Почему? Потому что, по существующимъ условіямъ положенія, дѣятельности, зависимости, неурстройства и приниженности крестьянскаго «самоуправленія»,—участіе въ сходахъ составляетъ одну обузу для огромнаго большинства, не извлекающаго изъ этого разныхъ практическихъ выгодъ... Неполученіе «приказовъ» объ явкѣ на сходъ считается здѣсь особо большимъ счастьемъ, благодаря крайней раскинутости волости и отдаленности нѣкоторыхъ деревень отъ правленія, въ помѣщеніи котораго сходы собираются *).

Многочисленность сходовъ, естественно, приводитъ къ большимъ неудобствамъ въ отношеніи обсужденія и разрѣшенія дѣлъ. Разныя интересы отдѣльныхъ селеній, соединенныхъ въ одно общество, собираемыхъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ въ одинъ сходъ, обнаруживается здѣсь особенно ярко. Крики бываютъ безпорядочнѣе, громче, непонятнѣе, чѣмъ на сходахъ сосѣднихъ волостей. Въ дѣло вносятся здѣсь еще меньше обсужденія. Писарю приходится чаще только догадываться, на чемъ остановился сходъ и что слѣдуетъ занести въ приговоръ. Равнымъ образомъ, старшинѣ чаще представляется возможность истолковывать, по-своему, крики однообщественниковъ и приказывать писарю, по собственному усмотрѣнію, заносить въ приговоры то или иное рѣшеніе дѣла.

Между тѣмъ, общественному сходу здѣсь есть чѣмъ заняться. Волость—богатая. Въ ней имѣется свыше двадцати тысячъ наличнаго капитала. Часть имѣвшагося прежде еще въ большей суммѣ капитала затрачена нѣсколько лѣтъ назадъ на покупку имѣнія въ нѣсколько сотъ десятинъ, — и имѣніе это состоитъ подъ управленіемъ должностныхъ лицъ волости, подъ предполагаемымъ контролемъ общественнаго схода. На попеченіи схода нахо-

*) На одной изъ стѣнъ Барановскаго правленія виситъ объявленіе, — родъ „закона“, изданнаго земскимъ начальникомъ: „По распоряженію земскаго начальника, будутъ подвергнуты штрафу или аресту тѣ, кто не придетъ на сельскій сходъ, или уйдетъ со схода, не подписавъ приговора“. Ни въ одной изъ прочихъ волостей, подвѣдомственныхъ тому же земскому начальнику, нѣтъ такого „закона“. Здѣсь случаи неявки на сходъ болѣе часты. „Законъ“ этотъ и примѣняется.

дится, далѣе, каменная богадѣльня, устроенная однимъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, состоящимъ нынѣ временнымъ купцомъ. Словомъ, дѣлъ, требующихъ вниманія схода, совѣщанія и распоряженія со стороны общества,—много. Но при нынѣшнемъ его устройствѣ это ведетъ только къ тому, что сильнѣе и яснѣе чувствуются и обнаруживаются только недостатки и беспорядочность въ дѣятельности схода.

Совершенно непонятно существованіе подобныхъ общинъ-волостей (въ особенности при данныхъ условіяхъ и при отсутствіи всякихъ особенностей положенія Барановской волости, по сравненію съ сосѣдними волостями, устроенными по обычному типу). Если это опытъ извѣстнаго устройства крестьянскаго общественнаго управленія, то несостоятельность его должна была давно сдѣлаться явною. Впрочемъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено крестьянское «самоуправленіе», въ подобныхъ общинахъ-волостяхъ дѣла идутъ вообще немного хуже, чѣмъ въ волостяхъ съ отдѣльными сельскими обществами, съ сельскими и волостными сходами,—или такъ же худо... Но въ частныхъ случаяхъ они могутъ идти гораздо хуже. Это именно при старшинахъ, склонныхъ чрезмѣрно расширять свою власть, умѣющихъ добиваться благоволенія и довѣрія начальства и не зѣвающихъ тогда, когда можно бываетъ устроить собственныя дѣлишки... Тутъ старшина можетъ явиться, дѣйствительно, всесильнымъ, могущественнымъ владыкой... Понятно теперь, что старшина сосѣдней Коровинской волости, Ивановъ, отличающійся въ изобиліи всѣми этими свойствами, съ завистью взираетъ на положеніе барановскаго волостного старшины, Костина. На его мѣстѣ онъ не былъ бы такъ простъ и неповоротливъ и сумѣлъ бы гораздо лучше угодить начальнику... Понятно и то, что въ Коровинской волости,—конечно, не безъ вліянія со стороны Иванова,—возникаютъ предположенія возбудить ходатайство объ уничтоженіи сельскихъ обществъ и сельскихъ сходовъ и объ образованіи одной общины-волости, съ однимъ сходомъ и съ помощниками старшины, вмѣсто старостъ, не всегда бывающихъ достаточно покладистыми и покорными старшинѣ, иногда сознающими свою законную самостоятельность и независимость отъ него...

Посмотримъ же теперь на барановскій особенный сельскій общественный сходъ.

II.

Члены схода, созывавшіеся къ восьми часамъ, собрались въ законномъ составѣ къ девяти. Каждый вновь явившійся домохозяинъ записывался. Затѣмъ нѣкоторые изъ записанныхъ уходили...

— У насъ,—говорятъ здѣсь,—только запишись, а тамъ уходи, куда хочешь. Приходи только подписываться подъ приговорами. Все равно торчать-то взади...

Дѣйствительно, сходы открываются безъ повѣрки присутствующихъ по списку. Огромное большинство являющихся, впрочемъ, съ обычнымъ для русскаго человѣка терпѣніемъ, высиживаютъ до конца...

Лишь въ одиннадцатъ часовъ въ залу, биткомъ набитую народомъ, вошелъ земскій начальникъ и помѣстился за рѣшеткой.

— Учетъ и раскладка? — сказалъ онъ полувопросительно, обращаясь больше къ старшинѣ. — По порядку. Значить, нужно выбрать учетчиковъ.

— Кого, господа, выбираете въ учетчики? — обращается къ сходу, въ свою очередь, старшина, подлежащій учету.

По закону, при учетѣ старшинъ предсѣдательствуетъ на сходахъ общинъ-волостей помощникъ волостного старшины, или одинъ изъ помощниковъ, если ихъ нѣсколько. Въ данномъ же случаѣ, вопроса объ особомъ предсѣдателѣ не возникло. Предсѣдательство на сходѣ, по обыкновенію, принялъ на себя самъ земскій начальникъ. Имѣвшійся помощникъ старшины остался въ своемъ званіи. Вопросъ, обращенный къ сходу учитываемымъ старшиной, былъ нарушеніемъ и закона, и фактическихъ «правъ» земскаго начальника, забывшаго въ этотъ моментъ, что онъ самъ взялся быть «предсѣдателемъ» на сходѣ...

На предложеніе относительно избранія учетчиковъ, въ крикахъ со стороны схода можно было разобрать четыре имени. Лица, которымъ принадлежали эти имена, и объявлены были учетчиками. Но одно изъ нихъ отказалось отъ этого званія. Тогда указано было новое лицо двумя-тремя членами схода, и комплектъ учетчиковъ, самъ собою такимъ образомъ составившійся, оказался полнымъ.

Учетчики съ книгами и бумагами удалились въ другую комнату.

Почему только теперь, на самомъ учетномъ сходѣ избраны учетчики? Дѣло въ томъ, что учетчики были уже назначены сходомъ мѣсяца три назадъ. Но земскій начальникъ уѣхалъ въ отпускъ, схода же безъ себя, по обыкновенію, не разрѣшалъ. Между тѣмъ избранные сами разѣхались, живя, какъ большая часть мѣстныхъ крестьянъ, значительную часть года на сторонѣ. Такъ учетъ, произведенный ими, и не могъ быть доложенъ сходу и потребовались новые учетчики.

Теперь надлежало ждать, пока они справятся, — наскоро, спѣшно, конечно, — съ своей задачей.

— А пока, — предложилъ земскій начальникъ, послѣ того какъ учетчики удалились, — разбирайте мелочь.

И сходъ сталъ разбирать «мелочь».

— «Раздѣлъ братьевъ Мухиныхъ», — предлагается первое дѣло...

— Согласны. Особое хозяйство у cadaго. Давно бы разойтись *и на бумагахъ!* — раздались болѣе или менѣе однообразныя и единодушныя восклицанія *).

*) У насъ нерѣдко выражается мнѣніе, что постановленія о семейныхъ раздѣлахъ какъ прежнія, устанавливавшія лишь односложно обязательность разрѣшенія сельскаго схода, такъ и новыя подробныя отъ 18 марта 1886 г. въ мѣстностяхъ съ общиннымъ пользованіемъ полевою землею, — на практикѣ не примѣняются, а существуютъ больше на бумагѣ... Успокоительное мнѣніе это, однако, совершенно неосновательно. Оно выводится изъ того только, что не всегда семейные раздѣлы

Другой раздѣлъ...

Тутъ крики безпорядочнѣе, ожесточеннѣе, разнорѣчивѣе... Возникаетъ горячій споръ между десятью-пятнадцатью членами схода, протискивающимися впередъ. Вѣроятно, это сосѣди дѣлящихся, — домохозяева того селенія, одинъ изъ дворовъ котораго ходатайствуетъ о разрѣшеніи раздѣлиться.

крестьянъ происходятъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ. Это такъ. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что существующія постановленія не ставятъ препятствій естественному стремленію отдѣльныхъ членовъ крестьянскихъ семей къ самостоятельности и не даютъ чувствовать себя сторонамъ подчасъ очень тяжело... Увы! — все это наблюдается тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе развивающееся среди крестьянъ стремленіе къ самостоятельности и независимости. Дѣло въ томъ, что „домовой раздѣлъ“, какъ называется, на примѣръ, здѣсь раздѣлъ безъ участія сельскаго схода, есть дѣло чисто-фактическое, не влекущее за собою многихъ необходимыхъ юридическихъ послѣдствій. При такомъ раздѣлѣ, платежною единицей остается та же семья въ ея совокупности, — и одни могутъ быть поставляемы въ необходимость платить за другихъ; представительство на сходѣ, равнымъ образомъ, не измѣняется, — и новый дворъ, фактически образовавшійся, не приобретаетъ права на участіе въ общественныхъ дѣлахъ; домохозяиномъ или старшимъ членомъ семьи юридически остается прежнее лицо, — и оттого, между прочимъ, члены новаго двора обязываются испрашивать его разрѣшеніе на отлучки и остаются лишенными самаго важнаго и необходимаго права, права передвиженія, и пр. Самыя имущественныя взаимныя притязанія между членами семьи, распавшейся по „домовому раздѣлу“, не преграждаются при такомъ условіи: пусть новыя семьи много лѣтъ живутъ самостоятельно, независимо послѣ домашняго частнаго раздѣла общесемейнаго имущества, — это нисколько не обезпечиваетъ однихъ отъ предъявленія къ нимъ со стороны другихъ правъ на „части“, якобы слѣдовавшія имъ по раздѣлу; подобныя притязанія возникаютъ часто уже между наслѣдниками раздѣлившихся безъ разрѣшенія схода, — предъявляются племянниками и внуками къ дядьямъ или дѣдамъ и дядьями къ племянникамъ, племянницамъ, невѣсткамъ и пр.; иски такого рода возникаютъ нерѣдко спустя не одинъ десятокъ лѣтъ послѣ „домового раздѣла“, благодаря господствующей (совершенно неосновательной, кстати сказать) практикѣ, считающей земскую давность необязательною для примѣненія въ крестьянской средѣ (см. о земской давности въ статьѣ нашей *Крестьяне и общее гражданское право*, напечатанной въ №№ 5 и 6 *Журнала Юридическаго Общества* за 1896 г.). Отсюда же постоянное неопредѣленное, тревожное положеніе семьи, раздѣлившейся домашнимъ порядкомъ... Понятно теперь, что постановленія о раздѣлахъ примѣняются, — хотя больше въ смыслѣ только-что описаннаго дѣла, разрѣшеннаго барановскимъ сходомъ: въ смыслѣ раздѣла „на бумагѣ“; сходы очень часто призываются признавать и какъ бы вновь производить раздѣлъ, состоявшійся 20—30 лѣтъ домашнимъ порядкомъ...

Несмотря на всѣ препятствія, семейные раздѣлы не уменьшаются, а усиливаются, учащаются. Иначе и быть не можетъ. Въ нихъ находятъ себѣ выраженіе развивающаяся личность крестьянина. Свобода, самостоятельность, независимость становятся неодолимою потребностью его души.

Таковъ голосъ самой жизни... Весьма любопытно, что онъ весьма ясно слышится въ матеріалахъ, служащихъ извѣстнымъ основаніемъ для происходящаго нынѣ пересмотра законовъ о крестьянахъ, — въ *Сводѣ губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законовъ о крестьянахъ*. Какъ нисколько могли быть склонны собиравшія эти матеріалы бюрократическія комиссіи прислушиваться къ такимъ новымъ тонамъ въ народной жизни, къ запросамъ личности крестьянина, тѣмъ не менѣе онѣ воспроизвели именно этотъ тонъ... Страницы „Свода“, посвященныя семейнымъ раздѣламъ, лучшія, наиболѣе яркія и жизненныя страницы...

Они только и знают вѣдь положеніе двора. Ихъ только и касается до извѣстной степени раздѣлъ. Эти члены схода окружаютъ однообщественниковъ, желающихъ раздѣлиться, и принимаютъ ближайшее участіе въ ихъ дѣлѣ. Споръ, повидимому, возбуждается кажущейся несправедливостью предложенныхъ условій раздѣла... Кто-то представляется обиженнымъ, кто-то обдѣляемымъ... Трудно понять, къ чему приходятъ спорящіе, и еще менѣе, что думаетъ объ основаніяхъ раздѣла безмолвная безучастная масса членовъ схода... Но въ прочитанномъ послѣ приговорѣ значится: «домъ продать, деньги пополамъ, землю также пополамъ» *).

Разрѣшеніе «мелочи» продолжается...

Въ богадѣльню просится старикъ.

— Принять!

Старшинѣ дается довѣренность на полученіе процентовъ съ капитала.— Подъ пасѣку при училищѣ предоставляется навѣчно участокъ земли.— По поводу ходатайства одного изъ однообщественниковъ о разрѣшеніи ему перейти окончательно въ купеческое званіе, указывается, что сначала должно быть испрошено имъ на это согласіе отца...

*) Такъ обыкновенно и дѣлятъ „сельскіе сходы своихъ однообщественниковъ не на бумагахъ, а по предписаннымъ закономъ правиламъ“... Какъ, на какомъ основаніи, почему устанавливается то или иное распредѣленіе между членами дѣлящагося семейства—надѣльной земли, строеній, необходимыхъ принадлежностей крестьянскаго хозяйства? Что слѣдуетъ признать „необходимою принадлежностью крестьянскаго хозяйства“, кромѣ указанныхъ въ законѣ точно лишь земледѣльческихъ орудій и скота? Гдѣ искать разрѣшенія послѣднихъ вопросовъ, коль скоро въ общихъ гражданскихъ законахъ понятіе о необходимыхъ принадлежностяхъ представляется совершенно неразвитымъ, а обычно правовыхъ положеній можетъ и вовсе не существовать по этому предмету, или они могутъ оказаться покрытыми совершеннымъ туманомъ и оставаться неизвѣстными? Все это остается неяснымъ, невразумительнымъ, допускающимъ всевозможныя стороннія вліянія... Въ то же самое время право жалобы на приговоры сходовъ касательно семейныхъ раздѣловъ, постановляемые обыкновенно при всемъ томъ съ крайнею спѣшностью, — весьма ограничено, и на дѣлѣ, въ концѣ концовъ, существеннѣйшіе интересы крестьянъ, права чисто-гражданскія, по своему существу, требующія правильнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія со стороны цѣлаго ряда судебныхъ инстанцій, — остаются въ зависимости отъ земскаго начальника, вращаются въ обычномъ для крестьянскихъ дѣлъ „заколдованномъ кругу“... Недостатки положенія вещей въ настоящемъ отношеніи усугубляются еще тѣмъ, что, по закону, раздѣлъ производится сходомъ сельскаго общества, а не сходомъ одной той деревни, къ которой принадлежитъ дѣлящаяся семья и которой, конечно, ближе и лучше знакомо состояніе ея дѣлъ....

Понятно, что желательна отмена всѣхъ ограниченій касательно семейныхъ раздѣловъ крестьянъ, уравниенія крестьянъ въ этомъ отношеніи съ лицами прочихъ сословій, подчиненіе суду всѣхъ споровъ, возникающихъ изъ раздѣловъ, касаются ли они надѣльной, или вѣнадѣльной земли, недвижимаго или движимаго имущества, — словомъ, необходимо прямое и ясное утвержденіе закономъ и практикою полной самостоятельности и независимости крестьянъ въ имущественномъ отношеніи, раздѣльности имущественныхъ правъ между дѣтьми и родителями, мужьями и женами, братьями и сестрами (что собственно и предполагается въ законѣ, какъ это мы доказываемъ въ упомянутой статьѣ—*Крестьяне и общее гражданское право*).

Дальше писарь читаетъ заявленіе старшины слѣдующаго (по возможности буквально приводимъ) содержанія: «Въ общественныхъ лѣсахъ, въ купленномъ имѣніи, производятся у насъ порубки. Это ведетъ къ расхищенію лѣсовъ и неприяностямъ между домохозяевами. Представляю сходу, чтобы симъ сходомъ меня уполномочить привлекать виновныхъ къ судебной власти для отвѣтственности по существующимъ законамъ».

— Раздѣлимъ, такъ пожалуйста,—добавляетъ на словахъ старшина.— Тогда руби каждый свою часть. А безъ этого—чтобы ни сучка!...

Для провѣрки того, насколько русскій крестьянинъ лѣсной хищникъ, лѣсоистребитель и смотритъ на чужой лѣсъ какъ на свой,—это дѣло было весьма любопытно. Изъ словъ старшины выходило, что рубили лѣсъ свои однообщественники. Значитъ, порубщики находились въ составѣ схода. Ничто не помѣшало бы хотя одному такому порубщику выерякнуть изъ толпы: «не надо»!... Однако, ни одного возраженія не послѣдовало. Но, быть можетъ, порубки, подавшія поводъ къ доложенному предложенію старшины, были значительны и часты? Нѣтъ. Порубокъ было нѣсколько и каждая была совершенно незначительна. И это было въ отношеніе лѣса, плохо охраняемаго (сторожъ,—объяснилъ кто-то тутъ же на сходѣ,—получаетъ жалованье черезъ три мѣсяца, благодаря тому «порядку», который установился въ общественномъ хозяйствѣ волости). Лѣсъ этотъ притомъ каждый барановскій крестьянинъ считаетъ своимъ,—какъ это въ извѣстной степени и есть на самомъ дѣлѣ,—почему и земскій начальникъ сосѣдняго уѣзда, въ предѣлахъ котораго расположено имѣніе, выносилъ оправдательные приговоры по двумъ-тремъ обвиненіямъ, которыя и до настоящаго приговора возбуждались передъ нимъ барановскимъ старшиною противъ своихъ однообщественниковъ (для чего, кстати сказать, вовсе и не требовалось согласіе схода) *).

По разрѣшеніи этого дѣла, писарь доложилъ новое письменное предложеніе старшины: «У насъ есть пустошь Куликово въ восемьдесятъ пять десятинъ. Какъ по отдаленности ея, надзору имѣть невозможно. Какъ мнѣ извѣстно и можетъ вамъ также, она приходитъ въ уничтоженіе. Какъ-то лѣсъ вырубается. Все завалено. А потому, нужно бы пустошь ту сдать въ аренду, а еще лучше продать, чтобы извлечь больше пользы изъ cadaго полученнаго рубля»...

— Я былъ тамъ,—прибавляетъ сборщикъ податей.—Что же,—все поломано, завалено, пустота совсѣмъ.

— Продать, продать!—раздается нѣсколько громкихъ голосовъ.

Впередъ выходитъ Шапкинь, содержатель трактира въ ближайшемъ къ Баранову большомъ торговомъ селѣ, оказывающійся желающимъ купить пустошь и дать обществу возможность «извлечь больше пользы изъ cadaго полученнаго рубля»... Онъ узналъ о предстоящей продажѣ. Члены

*) *Сводъ Горемыкина*, т. I, ч. 1, пунктъ 7 статьи 83 и разъясненіе изъ рѣшенія угол. кассац. департ. сената отъ 16 ноября 1893 г.

сходовъ не знаютъ заранѣе, о чемъ будутъ они разсуждать, какія дѣла рѣшать. Но постороннее заинтересованное лицо легко узнаетъ, что нужно въ подобныхъ случаяхъ...

— Нужно бы опубликовать, коли такъ. Можетъ, найдется больше желающихъ купить,—дѣлается возраженіе нѣсколькими членами схода противъ немедленной угрожающей продажи земли.

— Что тутъ! Три года назадъ постановляли ужъ продать...

— Теперь всѣ узнаютъ, и явится больше покупателей.

— Затянется опять!

— И торопиться некуда. Не загорѣлось.

— Продать, продать!—опять усердно выкрикиваетъ нѣсколько чловѣкъ.

Покупатель протискивается еще ближе.

— А сколько бы вы дали?—обращаются къ нему.

— Три рублика за десятинку,—предлагаетъ онъ, не моргнувъ и глазомъ.

— Что вы!

Столь откровенно предложенная цѣна, видимо, смутила многихъ и изъ числа сторонниковъ Шапкина.

— Расходовъ на купчую больно будетъ много,—поддерживаетъ Шапкинъ свое предложеніе.—Возьмите расходы на себя,—тогда четыре рубля...

— Какъ можно!

— Продать, продать!—кричатъ, все же, нѣкоторые.

— Опубликовать!—Оставить!—не менѣе громко кричатъ другіе.

Въ приговорѣ означается, что настоящее дѣло откладывается. Нѣкоторые усердные сторонники Шапкина все же выкрикиваютъ: «продать,—сейчасъ можно продать».

Затѣмъ возникаетъ вопросъ о ссудахъ на обсѣменение полей изъ хлѣбозапаснаго магазина. Прежде всего, читается списокъ недоимщиковъ. Ихъ довольно много...

— Предоставить брать по шести четвертей на осьмакъ,—предлагаетъ одинъ изъ членомъ схода *).

— Я прибавилъ бы,—вступается земскій начальникъ,—что ссуда въ такомъ размѣрѣ выдается только тѣмъ домохозяевамъ, которые уплатили недоимку по прежнимъ ссудамъ...

Но предложеніе земскаго начальника вызываетъ единодушныя возраженія.

*) „Осьмакъ“—мѣра неопредѣленная. Есть осьмаки въ 18—19 дес.; есть и другіе въ 20—21 дес. Откуда эта мѣра? Можно полагать, что она составляетъ остатокъ прежнихъ вотчинныхъ расписокъ. Въ осьмакъ считается четыре надѣла, четыре „души“. Отсюда счетъ на четверти и половины осьмака. Вѣроятно, осьмакъ представлялъ собою въ былыя времена „тягло“, но тягло не душевое, а тягло средняго двора. Неодинаковъ же осьмакъ въ разныхъ деревняхъ, надо полагать, вслѣдствіе различій въ качествахъ почвы, нѣкогда и раздѣлявшейся на „границы“.

— Какъ можно!

— Такъ нельзя!

— Не по міру же идти недоимщикамъ!

Въ концѣ концовъ, подъ явнымъ вліяніемъ земскаго начальника, все же постановляется выдавать недоимщикамъ только по половинѣ ссуды въ общей принятой нормѣ. Нужно было бы составить затѣмъ списокъ нуждающихся въ ссудѣ, съ точнымъ обозначеніемъ нужды каждаго (и безъ всякихъ общихъ нормъ, не установленныхъ для ссудъ закономъ). Но этого не дѣлается. (Не было бы, поэтому, ничего неожиданнаго, если бы разрѣшенія на позаймствованія изъ хлѣбозапаснаго магазина волости и не послѣдовало, и крестьяне остались бы безъ сѣмянъ къ посѣву). *)

III.

Между тѣмъ, учетчики не замедлили. Не прошло и часу какъ одинъ изъ нихъ явился въ залу засѣданія схода и доложилъ:

— Учетъ готовъ, ваше высокоблагородіе.

— А, прекрасно!—сказалъ земскій начальникъ.

Вскорѣ писарь, по приказанію земскаго начальника, читаетъ не то от-

*) Нельзя не признать крайне обременительнымъ и неудобнымъ порядокъ исходатайствования крестьянскими обществами ссудъ изъ собственныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ. При значительной ссудѣ, дѣло изъ уѣздной земской управы переходитъ въ губернскую и тянется такъ долго, что приговоры о ссудахъ крестьяне бываютъ вынуждены составлять за нѣсколько мѣсяцевъ до посѣва, когда нужда въ сѣменахъ не опредѣляется еще въ точной мѣрѣ. Нужда эта обнаруживается иногда послѣ, когда уже поздно просить о ссудѣ. Такъ крестьяне и остаются нерѣдко безъ сѣмянъ и хлѣба для продовольствія. Отсюда весьма часто встрѣчающееся образование хлѣбныхъ запасовъ „сверхъ положенія“, то-есть выше нормы, для болѣе свободнаго и цѣлесообразнаго распоряженія ими. Въ то же самое время разрѣшеніе ссудъ изъ запасовъ „по положенію“ и надзоръ за цѣлостію этихъ запасовъ, принадлежащій цѣлому ряду установленій,—дѣло чисто-бумажное, ничего не обезпечивающее, ничего не устраняющее. Любопытную иллюстрацію къ этому даетъ Барановская волость.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, здѣсь было обнаружено систематическое хищеніе изъ хлѣбозапаснаго магазина. Украдено было 86 четвертей ржи и 12 четвертей овса. Кто тутъ участвовалъ? Къ суду былъ привлеченъ мѣстный дьячокъ. Кража производилась, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе года. Въ теченіе этого времени не разъ составлялись по магазину и признавались правильными разные отчеты и вѣдомости, самый магазинъ осматривали земскій начальникъ, членъ земской управы, наконецъ, губернаторъ. Все, казалось, обстояло благополучно. А затѣмъ возникло дѣло, и легко обнаружено было особое приспособленіе, съ помощью котораго воръ проникалъ въ магазинъ изо дня въ день. На судѣ же оказалось, что, несмотря на всѣ эти отчеты, вѣдомости, повѣрки, осмотры и сложныя условія, которыми обставлено получение ссудъ крестьянами, неизвѣстно даже, сколько было хлѣба въ магазинѣ и сколько осталось по обнаруженіи кражи. Выяснился полный хаосъ, въ которомъ находилось дѣло обезпеченія продовольствія и сѣмянныхъ нуждъ Барановской волости. Само по себѣ дѣло о кражѣ хлѣба оказалось крайне темнымъ. Защита этимъ воспользовалась, дьячекъ былъ оправданъ. Обществу крестьянъ пришлось пополнять магазинъ. Взыскать было не съ кого.

четь о произведенныхъ расходахъ, большею частию въ круглыхъ и крупныхъ цифрахъ, не то смѣту на будущій годъ въ такихъ же цифрахъ:

«Старшинѣ 400 р., писарю 300 р., двумъ сотскимъ 192 р., уряднику квартирныхъ 30 р., на разные расходы по правленію и училищу, какъ-то: на очистку отхожихъ мѣстъ, чистку трубъ и пр. 130 р., на ремонтъ мостовъ 235 р., на канцелярскія принадлежности для волостного правленія 55 р., на письменныя принадлежности для училища 30 р., на новобранцевъ 50 р., на пріемъ чудотворныхъ иконъ 20 р., на неугасимое масло 25 р., на молебны и панихиды 40 р., на общественныя поминки 135 р.» *).

*) Это—поминки помѣщицы, отпустившей мѣстныхъ крестьянъ на волю, въ „свободные хлѣбопашцы“. Память этихъ крестьянъ, освобожденныхъ полнѣе и раньше „общей воли“,—благодарна, хотя съ нихъ и былъ взятъ тогда огромный выкупъ. Но, къ сожалѣнію, настоящій способъ чествованія памяти бывшей помѣщицы представляетъ собою явленіе крайне некрасивое. Это — непокрытое общественное пьянство. Благоразумная часть волости давно помышляетъ объ уничтоженіи поминокъ. Но это очень трудно, хотя каждый годъ дѣлаются на сходѣ особыя ассигновки на устройство поминокъ и иногда даже сходъ созывается для этого. Вотъ, одинъ изъ случаевъ голосованія по этому вопросу, совпавшій съ поводомъ, указывавшимъ возможность лучшаго назначенія хотя для части тѣхъ денегъ, которыя тратятся ежегодно на объяденіе и пьянство.

Сходъ, на сей, очень рѣдкій, разъ безъ участія земскаго начальника. Одно дѣло чередуется съ другимъ. Очередь доходить до предложенія старшины относительно поминокъ.

— Попрежнему, что ли, господа?—спрашиваетъ онъ.

— Вовсе бы не нужно!—раздаются голоса.

— По старому, по старому!—кричатъ другіе.

— По старому, по старому!—подхватываетъ большое число голосовъ.

— А сколько истрчено было въ прошломъ году?—спрашиваетъ одинъ изъ членовъ схода.

— Сто тридцать пять рублей,—объясняетъ старшина.

— Такъ не составить ли смѣты, чего купить?—предлагаетъ тотъ же членъ схода, видимо желая, по крайней мѣрѣ, сократить столь крупный ежегодный расходъ.

— По старому, по старому!—кричатъ „чествователи“, предчувствуя, что предложеніе направлено если не къ отмѣнѣ, то къ ограниченію поминокъ.

— Вовсе не нужно!—настаиваютъ другіе.

Но тутъ выступаетъ старшина.

— Слушайте, вотъ что пишетъ земскій начальникъ на этотъ счетъ,—говоритъ онъ и читаетъ: „На сходъ не пріѣду. Разрѣшаю собраться безъ себя. Расходъ на поминовение разрѣшаю по прошлогодней смѣтѣ“. Значить, и баринъ желаетъ по старому,—основательно заключаетъ старшина.

— По старому, по старому!—подхватываютъ ободренные „чествователи“.

Между тѣмъ, у противниковъ „чествованія“ языки, естественно, оказываются прилипшими къ гортанямъ.

Старшина переходитъ къ новому дѣлу и докладываетъ:

— Крестьянка Черногорова просится въ богадѣльню. Но у нея раны на ногахъ, „посредствомъ которыхъ она можетъ заразить другихъ призрѣваемыхъ“. Поэтому, лучше дать ей „способіе“ въ два рубля въ мѣсяцъ,—предлагаетъ старшина.

Дѣло это уже не вызываетъ къ себѣ столь же горячаго отношенія, какъ только что разрѣшенное.

— Согласны!—раздается нѣсколько голосовъ.

Всего расходовъ около четырехъ тысячъ рублей. Столько же поступлений: мірскаго сбора, «травяныхъ денегъ» (денегъ, получаемыхъ по сдачѣ травы въ имѣніи), процентовъ на капиталы. Капиталовъ оказалось: предназначеннаго для богадѣльни семь тысячъ, мірскаго—двадцать двѣ тысячи.

За такимъ докладомъ не послѣдовало никакого предложенія обсудить что-либо, никакого вопроса, обращеннаго къ сходу. И сходъ безмолвствовалъ

— Раскладка прежняя,—не то съ вопросомъ, не то съ предложеніемъ, обратился старшина къ сходу, приступая прямо ко второй части дѣла, стоявшаго на очереди.

— Сбавить можно!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нынче не будетъ такихъ расходовъ,—поддерживаетъ кто-то предложеніе о сбавкѣ.

— Непредвидѣнные могутъ быть,—возражаетъ старшина.

— То-то у насъ много непредвидѣнныхъ,—замѣчаетъ одинъ изъ членовъ схода.

— По рублю съ осьмака можно сбавить,—рѣшительно предлагаетъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ барановскаго схода, пожилой крестьянинъ Медвѣдевъ. При этомъ, вставая съ одной изъ переднихъ лавокъ, онъ махаетъ заднимъ рядамъ однообщественниковъ: «Что же вы не кричите?» Но задніе ряды откликаются очень слабо. «Вотъ,—замѣчаетъ Медвѣдевъ съ укоромъ,—ты имъ продиктуй, а они молчатъ. Такъ вотъ ты-то скажешь, и будешь *не хорошъ*».

— Сбавить, сбавить!—раздается опять нѣсколько голосовъ.

— Какъ хотите, скинемъ,—говоритъ старшина.—Для насъ все единственно. А только будетъ нехватка, такъ придется добавлять.

— Сбавить, сбавить!—дружнѣе и дружнѣе кричитъ сходъ.

И по числу «осьмаковъ» земли, облагаемыхъ мірскимъ сборомъ, смѣта уменьшается на 292 руб.

— А коли убавили,—выступаетъ тутъ неожиданно земскій начальникъ,—такъ пусть сборщикъ немедленно составляетъ списокъ недоимщиковъ и описываетъ ихъ имущество... Нужно взыскивать *).

Ни возраженій, ни иныхъ замѣчаній.

— Съ какаго мѣсяца пособіе, съ 1 октября?—спрашиваетъ вскорѣ послѣ того писарь, составляя утвердительный приговоръ.

Сходъ же происходитъ въ половинѣ сентября.

— Съ 1 октября,—говоритъ старшина, не обращаясь даже къ сходу, хотя передъ этимъ вовсе не упоминалъ въ своемъ докладѣ о срокѣ, съ котораго слѣдовало выдавать пособіе больной женщинѣ.

Спустя нѣкоторое время, передъ сходомъ появляется жалкая старуха и, бормоча что-то, становится на колѣни. Это, оказывается, и есть Черногорова. Никто не обращаетъ на нее вниманія.

— Прибавки просить,—замѣчаетъ только кто-то.

Постоявъ на колѣняхъ, старуха уходитъ, какъ бы незамѣченная.

*) Послѣ, дѣйствительно, и происходитъ „выколачиваніе недоимокъ“. Приступаютъ прямо къ описи и продажѣ имущества, безъ особаго общественнаго приговора, по одному настоящему распоряженію земскаго начальника и безъ приватія предвари-

Такимъ образомъ, осталось неопредѣленнымъ точно, на что будутъ производиться расходы, въ какомъ именно размѣрѣ и на какомъ основаніи. Не выяснено было сходу и то, по какимъ статьямъ были поступления и въ какомъ размѣрѣ, какъ ведется хозяйство въ имѣніи, почему 85 десятинъ пустоши оказались даже несданными въ аренду. Словомъ, сходу не было представлено никакого отчета, при невозможности и для учетчиковъ войти, по краткости времени, въ какія-либо подробности. Но, по крайней мѣрѣ, уменьшена на одинъ рубль раскладка, и то составившая 5 р. 60 к. на «осьмакъ». Зато, какъ бы въ наказаніе, строжайшая мѣра взысканія, примѣняемая къ недоимщикамъ.

Затѣмъ сходъ закрывается. Члены начинаютъ подписываться по очереди, по списку, подъ приговорами. Въ коридорахъ и на лѣстницѣ образуются отдѣльныя кучки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ продолжаютъ говорить объ учетѣ. Возбуждаются сомнѣнія по поводу различныхъ расходовъ, поставленныхъ обществу въ счетъ, когда теперь, уже по утвержденіи учета, нѣкоторыя цифры становятся извѣстными частнымъ образомъ.

— Петръ Ивановичъ, — говорятъ въ одной кучкѣ (разумѣя помощника старшины), — обѣщаль огородить пасѣку такъ, на свой счетъ, а замѣсто того взялъ сто шестьдесятъ пять рублей.

— Неужто?

— Вѣрно!

— Какъ же старшина выдалъ?

— Выдалъ!

— Безъ приговора?

— Безъ приговора!

Нѣкоторые негодуютъ.

— А приходъ съ расходомъ вѣренъ, — насмѣшливо замѣчаетъ въ толпѣ одинъ изъ учетчиковъ.

— Такъ что же вы? — укоряетъ его кто-то.

— Смотри самъ въ книгу, — отражаетъ укоръ учетчикъ.

— Да, поди тутъ, смотри! — выражаются сомнѣнія съ разныхъ сторонъ.

Такимъ-то образомъ обременяется довольно высокими платежами крестьянская земля и здѣсь, гдѣ она давно очищена отъ оброка или выкупа. При незначительности государственнаго и земскаго поземельнаго сборовъ, она обременяется именно почти исключительно мірскими сборами. При извѣстныхъ условіяхъ, на отдѣльныхъ надѣлахъ накапливаются недоимки. Онѣ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, и тогда, съ одной стороны, лицо, имѣющее право на землю, вынуждено бываетъ отступить отъ нея, съ другой же стороны, и отступаясь, оно, по общему личному, а не вещному характеру платежей, падающихъ на крестьянъ, и способу, по порядку ихъ

тельно болѣе мягкихъ мѣръ, предписываемыхъ закономъ. Недоимки безпощадно взыскиваются, несмотря на то, что всѣ мірскія потребности покрыты и что у общества есть имѣніе, купленное частнымъ путемъ, капиталъ и пр.

взысканія, и по нераздѣльности семей, оказывается стѣсненнымъ въ важнѣйшемъ своемъ правѣ, въ правѣ передвиженія, выхода изъ общества и перехода въ другое общество, сословіе.

Случай такого рода обнаружился тутъ же, немедленно по закрытіи схода. Къ земскому начальнику подошелъ одинъ крестьянинъ, оказавшійся принадлежащимъ къ Коровинской волости. Словесно онъ предъявилъ жалобу на барановскій сходъ, не увольняющій его зятя и препятствующій такимъ образомъ припискѣ послѣдняго къ его, тестя, обществу, при которой только онъ, тесть, и могъ бы обезпечить его и свою дочь имѣвшеюся у него землю. Иначе дочь, за его смертью, осталась бы безъ земли, а сыновей у него не было.

— Почему не увольняютъ?—спросилъ земскій начальникъ.

— Недоимки сто сорокъ шесть рублей,—объяснилъ старшина.

— На комъ?

— На дядѣ, а онъ (зять просителя) не отдѣленъ.

— Такъ у него, ваше высокоблагородіе, части нѣтъ,—говоритъ жалобщикъ о своемъ зятѣ.—Онъ ничѣмъ не пользовался.

— Все равно,—заявляетъ земскій начальникъ.—Не можетъ быть уволенъ. Объ этомъ нечего и говорить. Не дадутъ приговора.

— Уплатите недоимку, тогда...—предлагаетъ старшина.

— Хотъ пополамъ съ дядей,—совѣтуетъ земскій начальникъ.

— Да онъ-то, онъ ничѣмъ не пользовался... части у него не было...—продолжаетъ жаловаться тесть.

Не далѣе какъ на слѣдующемъ сходѣ Щуринъ (фамилія зятя) вновь возбуждаетъ ходатайство объ увольненіи изъ барановскаго общества.

— Да у него недоимки сто сорокъ шесть рублей,—говоритъ старшина, обращаясь къ сходу.

Тутъ выступаетъ уже въ защиту просителя родная мать.

— Деверь, деверь, вѣдь, батюшки, накопилъ, — плачетъ она передъ сходомъ.

— Человѣкъ и земель не пользовался, въ Коровинской волости и воспитывался,—поддерживаетъ ее кто-то.

— За что держатъ человѣка?—раздается еще сочувственный голосъ.

— Заплати недоимку,—поддерживаютъ, однако, нѣсколько голосовъ заявление старшины.

Въ концѣ концовъ, предлагается заплатить хотя только пятьдесятъ рублей. Дѣлать нечего, бѣднякъ соглашается. Старшина возбуждаетъ тогда вопросъ, когда, съ какого момента увольняется Щуринъ.

— Заплатить пятьдесятъ рублей, такъ и пусть уходитъ, тогда и приговоръ,—предлагаетъ кто-то изъ состава схода.

Увольнительный приговоръ, все же, дается Щурину.

IV.

— Иди, вотъ, на сходъ... А день-то какой! Сѣно сушить нужно бы... Подмоченнаго много... Былъ у насъ приговоръ, чтобы въ рабочую пору не

собирать сходы по буднямъ. Да, вотъ, земскому начальнику ѣхать подъ статью: сегодня онъ въ Коровинѣ, завтра — у насъ, а послѣзавтра — въ Кобылинѣ. Нарочно самъ не хочетъ пріѣзжать... А крестьянинъ — иди! А сколько бы можно было наработать въ такой-то день...

Такъ разсуждалъ одинъ изъ членовъ барановскаго схода, котораго я догналъ, направляясь въ слѣдующій разъ въ Бараново, и съ которымъ дошелъ до правленія. Собесѣдникъ мой не принадлежалъ, кажется, къ числу особо старательныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ. Но и онъ былъ, дѣйствительно, недоволенъ распоряженіемъ земскаго начальника...

Первое дѣло, которымъ пришлось заняться этому новому сходу, открывшемуся около одиннадцати часовъ, касалось устройства бесплатной народной библіотеки въ волости. Предположеніе объ учрежденіи библіотеки явилось еще года за три передъ тѣмъ. Тогда же сходомъ ассигновано было на этотъ предметъ сто рублей. Между тѣмъ, библіотеки все еще не было... Стремленіе крестьянъ къ самообразованію, книгъ, встрѣтилось и здѣсь съ обычными общими внѣшними препятствіями, съ тѣми сложными правилами, которыми обставлено у насъ открытіе народныхъ библіотекъ и которыя на практикѣ, по усердію низшихъ властей, соединяются еще съ разными другими.

— Вотъ, вы когда-то пожертвовали сто рублей на открытіе у себя библіотеки, — началъ земскій начальникъ. (Привожу почти буквально его недлинную рѣчь.)—По всей вѣроятности, осенью она будетъ открыта. Но для того, чтобы получить разрѣшеніе, вамъ нужно избрать отвѣтственное лицо, которое отвѣчало бы за библіотеку. Вотъ, я вамъ объясню законъ... Отвѣтственнымъ лицомъ можетъ быть мѣстный земскій начальникъ или помѣщикъ. Кого хотите, того и выбирайте, — земскаго начальника или другого... А потомъ вамъ нужно будетъ выбрать двухъ завѣдующихъ. Впрочемъ, завѣдывать библіотекой будетъ учительница. Все-таки, завѣдующихъ нужно выбрать... Такъ вотъ, главное, необходимо отвѣтственное лицо, — земскій начальникъ или помѣщикъ...

Въ первый разъ земскій начальникъ упоминалъ слово «законъ», — да и это упоминаніе было, очевидно, неумѣстно, такъ какъ рѣчь шла не о законѣ, а о едва ли согласномъ съ закономъ распоряженіи административной власти. Самыя подразумѣвавшіяся тутъ правила 15 мая 1890 г. о бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ вовсе не ограничивали въ такой мѣрѣ кругъ, изъ котораго могли бы быть избираемы отвѣтственные лица. Устанавливавшееся имъ ограниченіе было тѣмъ уже притомъ, что въ описываемой мѣстности вовсе не было помѣщиковъ.. Земскому начальнику явно желательно было стать «отвѣтственнымъ» лицомъ самому, наложить на дѣло свою руку... По условіямъ же, при которыхъ происходитъ обсужденіе общественныхъ дѣлъ на сходахъ, и по вліянію, которое имѣлъ здѣсь земскій начальникъ, никто, кромѣ него, и не могъ быть избранъ. Подчиненные члены схода необходимо должны были «избрать» своего начальника. Для нѣкоторыхъ было совершенно ясно, что указать на него — значило ему угодить...

— Мы бы попросили васъ, ваше высокоблагородіе, — очень естественно обратились къ нему старшина, его помощникъ и нѣсколько человѣкъ изъ числа сидѣвшихъ впереди.

— Да ужъ! — подхватило еще нѣсколько голосовъ.

— Хорошо... А можетъ, другого кого, — помѣщика?...

— Нѣтъ, ужъ васъ, в. в.

— Ну, а кого назначите завѣдующими?

Названо было нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ старшина и его помощникъ.

— И я думалъ, тебя да тебя, — сказалъ земскій начальникъ, обращаясь къ послѣднимъ.

Библиотечное дѣло окончилось скоро, и сходъ перешелъ къ слѣдующему дѣлу...

— Вотъ, господа, — обратился старшина къ однообщественникамъ, — Кашкинъ не платитъ пятидесяти рублей за траву, которую снималъ въ нашемъ кочетковскомъ имѣніи. Теперь онъ въ Петербургѣ. Уполномочиваете требовать съ него деньги черезъ полицію?

— Какъ же, ежели не платитъ.

— Нужно бы судомъ, кажется...

— Извѣстенъ порядокъ-то...

— Уполномочиваемъ!

Но тутъ земскій начальникъ указалъ иной «порядокъ»... не объяснивъ неосновательности предложенія старшины.

— Лучше подождать, пока не явится сюда самъ Кашкинъ, — вступился онъ и, обратившись къ старшинѣ, спросилъ: — Срокъ его паспорта кончается, вѣдь, скоро?

— Скоро, в. в., — отвѣчалъ старшина.

— Ну, а новаго ему не выдавать, моимъ именемъ. Не выдавать! Слышишь?

— Слушаю, в. в., — покорно отвѣчалъ старшина.

— Не выдавать! — еще разъ повторилъ земскій начальникъ и прибавилъ: — А то онъ больно много всякихъ пакостей понаписалъ тутъ... Пишетъ: то неправильно, другое... и что всѣ мы — мошенники...

Рѣчь шла о какихъ-то бумагахъ, присланныхъ передъ тѣмъ Кашкинымъ и въ правленіе, и земскому начальнику *).

Сходъ молчалъ, видимо недоумѣвая, какъ же можно было и взыскивать арендную плату, и наказывать Кашкина за подобныя письменныя заявленія невыдачею паспорта, прегражденіемъ ему возможности снискивать себѣ на сторонѣ средства къ существованію (а Кашкинъ занималъ

*) Кашкинъ — бывшій дѣятель волости, писарь, адвокатъ. По его предложенію, открывается и библиотека. Онъ не могъ ужиться въ деревнѣ, при настоящихъ условіяхъ, — и самъ удалился со сцены... Иначе дѣло могло бы кончиться для него печально... Извѣстно, какими способами „доводятъ“ въ современной деревнѣ людей, имѣющихъ голосъ и интересъ къ общественнымъ дѣламъ.

79803

въ то время порядочное мѣсто въ Петербургѣ)? Многие понимали, что земскій начальникъ и не имѣетъ никакого права приказывать не выдавать паспортъ кому-либо... Другіе испытывали понятное смущеніе передъ на личностью той власти, которую присвоивалъ онъ себѣ, — власти лишать ихъ свободы передвиженія, по собственному усмотрѣнію... А мѣстные крестьяне, живущіе преимущественно отхожими промыслами, естественно, цѣнили эту свободу... Въ то же время и по тому же самому, больше и лучше, чѣмъ многія иныя правила, знали, при какихъ условіяхъ и въ какомъ порядкѣ она могла быть до сихъ поръ ограничиваема... Самъ старшина былъ, видимо, сконфуженъ отдачею ему страннаго приказанія *)...

— Вотъ, господа, — заявилъ потомъ старшина, переходя къ новому дѣлу, — по случаю рабочаго времени, мы отмѣняемъ присутственные дни по два раза въ недѣлю. Пусть будутъ они только по понедѣльникамъ. Согласны?

Земскій начальникъ молчалъ. Не послѣдовало возраженія и со стороны схода.

— Нужно бы скостить сколько-нибудь изъ жалованья старшинѣ, — довольно тихо замѣтилъ только кто-то.

Вслѣдъ затѣмъ къ земскому начальнику подошла молодая, порядочно одѣтая женщина, оказавшаяся крестьянкою Пестриковою, и словесно предъявила ему просьбу — распорядиться отпереть домъ, запертый мужемъ отъ нея, и отдать ей землю, сданную имъ въ аренду...

Осталось неизвѣстнымъ, было ли дальнѣйшее продолженіемъ схода, или

*) Угроза не была приведена въ исполненіе, и паспортъ Кашкину былъ возобновленъ, когда онъ того потребовалъ. Да это и была, безъ сомнѣнія, одна угроза, „острастка“: поселить Кашкина снова въ деревнѣ не было никакого интереса... Но фактъ тотъ, что приказаніе о невозобновленіи паспорта упомянутому лицу было громогласно и самоувѣренно отдано... Еще печальнѣе то, что земскій начальникъ, дѣйствительно, легко можетъ, злоупотребляя своимъ положеніемъ, ограничивать крестьянъ въ столь важномъ и необходимомъ правѣ, каково право передвиженія. Виды на жителство крестьянамъ выдаются волостными старшинами, а на дѣйствія старшинъ по этому предмету предоставлено жаловаться земскому начальнику. Дальнѣйшаго порядка обжалованія дѣйствій властей по выдачѣ паспортовъ не указано. Право дальнѣйшаго обжалованія, однако, несомнѣнно, есть, и порядокъ, надо полагать, долженъ соблюдаться тутъ общій. Но, уже независимо отъ усиливающейся этимъ отсутствіемъ прямыхъ указаній по настоящему предмету затруднительности дальнѣйшаго обжалованія, ясно, какое вліяніе можетъ принадлежать земскому начальнику въ дѣлѣ полученія видовъ на отлучку крестьянами: онъ можетъ на довольно продолжительное время задержать полученіе паспорта лицомъ, которому пожелаетъ сдѣлать непріятность... Такъ, въ данномъ случаѣ приказаніе не возобновлять Кашкину паспортъ могло быть отдано конфиденціально, безъ оборота на автора приказанія, а не открыто, не громогласно, на всемъ сходѣ (чѣмъ уже облегчалась возможность добиться его отмѣны). Старшина исполнилъ бы это приказаніе. На дѣйствія же его жалоба должна была бы быть принесена тому же земскому начальнику. Затѣмъ, послѣдній могъ не торопиться ея разрѣшеніемъ, требовать не одинъ разъ объясненій, возбуждать различные вопросы — и, наконецъ, разрѣшить дѣло не въ пользу жалобщика... Тѣмъ же временемъ послѣдній могъ потерять мѣсто и потерпѣть тысячи непріятностей...

разбирательствомъ земскимъ начальникомъ административнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, перерыва объявлено не было, и сходъ принялъ участіе въ сужденіяхъ по этому поводу, вовсе не относившемуся ни къ его вѣдомству, ни къ вѣдомству земскаго начальника. Возникло позорище для бѣдной женщины,—безъ нужды и повода.

— Она дурного поведенія, — замѣтилъ кто-то, — а господинъ у ней хорошій.

— Какой господинъ? — спросилъ земскій начальникъ.

— Господинъ, — мужъ, значить.

— Черезъ нее и погибаетъ!

— Она его обобрала!

— Лавка своя была у него въ Питерѣ, а она взяла деньги и уѣхала.

Было сдѣлано еще нѣсколько замѣчаній въ этомъ родѣ. Пестрикова оправдывалась. Кое-кто поддерживалъ ее, въ томъ числѣ мать, бывшая тутъ же...

Земскій начальникъ, предоставивъ разыграться подобной сценѣ, отклонилъ, между тѣмъ, просьбу Пестриковой, безъ объясненія, какъ ей нужно дѣйствовать.

V.

Послѣ того земскій начальникъ оставилъ залу, и сходъ продолжалъ свою дѣятельность въ его отсутствіе съ нѣсколько большею свободой.

Старшина сдѣлалъ письменное заявленіе: «Какъ по сдать въ прошедшемъ году луговъ въ Кочетковскомъ имѣніи выходило много непріятностей, и особенно недобросовѣстнымъ оказался крестьянинъ Кашкинъ, то нынче нужно сдавать траву за наличныя, чтобы сейчасъ же и получать что слѣдуетъ»...

— Что же это? Изъ-за одного-то?!... — замѣтили нѣкоторые.

Затѣмъ возникли горячія пренія собственно о томъ, можно или нельзя, снявъ траву, сдавать ее другимъ, и не однообщественникамъ. Одни говорили: «снять, и кому хочешь сдавай самъ...» Другіе: «не смѣй, бери только для себя, по силѣ возможности...» Указывалось, однако, что, все равно, не услѣдишь,—«и на себя возметь, и съ своими работниками скосить, а тамъ продастъ сѣномъ...» На сходѣ произошелъ расколъ...

— Чѣмъ же рѣшили? — спросилъ я одного изъ крестьянъ, не лишеннаго голоса на сходѣ, когда пренія смолкли и писарь заносилъ на бумагу мнѣніе схода.

— Да по старому, должно быть... Петръ Петровичъ, — обратился онъ, однако, тутъ же самъ къ старшинѣ, — какъ теперь съ лугами? По старому?

— По старому.

— Сдавай, значить, кому хочешь?

— Ни... Не моги! Бери только для себя сколько можешь, и сейчасъ же денежки.

Въ этомъ смыслѣ оказался составленнымъ и приговоръ, прочитанный потомъ.

Затѣмъ доложено было слѣдующее дѣло: изъ Москвы препровождался на родину арестантъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, Пѣшковъ. Выданная ему изъ мѣста высылки одежда, по сдѣланной тогда оцѣнкѣ, стоила около 5 руб. съ копейками; по возвращеніи же по принадлежности, она была оцѣнена въ три рубля съ копейками. Почти черезъ годъ губернское правленіе и потребовало съ общества разницу между стоимостью платья по той и другой оцѣнкѣ. Волостное правленіе, получивъ это требованіе, отвѣтило, что «за проносъ платья» имъ уплачено было тогда же 18 коп., но что одежда была принята имъ отъ арестанта «въ должномъ видѣ», и если она цѣнится теперь иначе, то потому, вѣроятно, что во второй разъ цѣнилъ ее другой оцѣнщикъ... Предписано было, однако, взыскать, не принимая никакихъ отговорокъ... Такъ требованіе это и переписка возобновлялись нѣсколько разъ.

— Какъ теперь быть, господа? — обратился старшина къ сходу. — Мы сдали все въ должномъ видѣ, а тамъ, можетъ, годъ-то прислуга у становаго носила арестантское платье...

— Они оцѣнятъ въ 15 рублей, а послѣ переоцѣнятъ! Что же, намъ и платить?!

— Не слѣдовало бы!

— Пусть съ Пѣшкова и получаютъ!

— Да съ него взять-то нечего.

— Казна свое возьметъ, — не безпокойся!

— Чего тутъ, — отдать!

— Отдать, два рубля — пустяки.

— Такъ отдать? — переспросилъ старшина.

— Отдать ужъ, отдать.

— Не слѣдовало бы, — упрямылся кто-то.

Въ приговорѣ было постановлено потомъ: удовлетворить требованіе губернскаго правленія.

— Господа, — предложилъ, въ заключеніе, старшина, — вотъ писарь говорить, что ему больно много работы съ пропиской паспортовъ пришлыхъ рабочихъ. А какъ вездѣ за это берется плата, то нужно и намъ постановить...

Сборъ подобнаго рода съ лицъ постороннихъ, столь же незаконный, какъ и широко распространенный сборъ съ видовъ на отлучки однообщественниковъ, дѣйствительно, весьма распространенъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда прибываетъ много стороннихъ рабочихъ. Затѣмъ и паспорта всѣхъ вообще лицъ, прибывающихъ въ уѣздъ, прописываются вмѣсто полиціи волостными правленіями. Черезъ волостныя правленія пересылаются всѣмъ вообще лицамъ и различные документы изъ всякаго рода учреждений. Такимъ образомъ, волостныя правленія, благодаря подобнымъ фактически разлагаемымъ на нихъ обязанностямъ, лишній разъ являются правительственными установленіями, содержащими, однако, единственно на сословныя

крестьянскія средства. Съ этой же стороны понятно стремленіе крестьянъ возмѣщать какъ-либо расходы, дѣлаемые ими на постороннихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, установленіе подобнаго или какого-либо иного сбора съ постороннихъ лицъ въ законодательномъ порядкѣ возможно и желательно, конечно, лишь при условіи, когда крестьянскія установленія сдѣлаются не только по обязанностямъ, произвольно и силою житейской необходимости, на нихъ налагаемымъ, но и по правамъ, и по составу, общественными, всесловными или безсловными съ правительственными функціями.

Предложеніе старшины относительно настоящаго сбора съ паспортовъ пришлыхъ рабочихъ встрѣтило, однако, здѣсь со стороны самихъ крестьянъ довольно сильныя возраженія, будучи понято, къ тому же, какъ клонящееся къ пользѣ волостного писаря.

При такихъ условіяхъ, писарь счелъ, повидимому, за лучшее отказаться отъ сбора, и на самомъ дѣлѣ предназначавшагося въ его пользу, и въ приговорѣ не значилось, чтобы сходомъ былъ установленъ этотъ сборъ, хотя при недостаткѣ голосованія и потому, какъ подписываются приговоры крестьянами, онъ могъ совершенно свободно занести въ приговоръ обратное заключеніе.

Настоящее дѣло было послѣднимъ. Началось подписываніе приговоровъ членами схода, занимающее здѣсь довольно много времени. Было уже довольно поздно, когда барановскій сходъ разошелся.

VI.

Прошелъ годъ со времени описаннаго выше, въ главѣ третьей, учетнаго и раскладочнаго схода. Хотя, какъ мы видѣли, раскладка, къ явному неудовольствію земскаго начальника, была уменьшена на одинъ рубль съ осьмака и составила 5 р. 60 к., вмѣсто 6 р. 60 к., взимающихся прежде, тѣмъ не менѣе, всѣ волостныя потребности были вполне покрыты. Конечно, по непрѣмному обыкновенію, остатка не оказалось... Но на все, по крайней мѣрѣ, достало и уменьшеннаго сбора. Казалось бы, слѣдовало и опять испытать систему уменьшенія обложенія и облегченія платежныхъ тяжестей населенія. Но вотъ, ровно черезъ годъ, на новомъ учетномъ и раскладочномъ сходѣ, доходитъ очередь до установленія раскладки на текущее время.

— Въ прошломъ году было пять рублей шестьдесятъ копеекъ на осьмака, а нынче, я думаю, нужно назначить по шести рублей, — неожиданно предлагаетъ предсѣдательствующій вновь земскій начальникъ.

— По пяти, по пяти! — очень дружно раздается, однако, со стороны схода.

— Будетъ по пяти, больше не надо! — слышатся новые не менѣе громкіе и столь же многочисленные голоса.

Земскій начальникъ взволновывается.

— Не хватитъ! — возражаетъ онъ и добавляетъ тономъ приказанія: — По шести рублей назначайте! Меньше нельзя!

— По пяти, по пяти!—еще громче и дружнее, однако, кричит сходъ.

Земскій начальникъ начинаетъ считать вслухъ прошлогодніе расходы въ круглыхъ и крупныхъ суммахъ. Изъ общей суммы онъ вычитаетъ, затѣмъ, проценты съ капиталовъ и доходы съ имѣнія и остальную сумму дѣлитъ на число осѣмаковъ, подлежащихъ обложенію.

— Вѣдь выходитъ даже по восьми рублей съ полтиной, — заявляетъ онъ.—Видите. А я предлагаю по шести...

— По пяти, по пяти!—вновь дружно кричитъ сходъ.

— Ишь ты, сколько вышло, этакъ можно насчитать и больше, — дѣлаются менѣе громкія отдѣльныя замѣчанія.

— Говорю вамъ, что нельзя меньше, —убѣждаетъ земскій начальникъ, какъ бы не отдавъ еще себѣ отчета въ томъ, что дѣло его безнадежно, что сходъ желаетъ рѣшительно заупрямиться.

— По пяти, по пяти!—стоятъ на своемъ крестьяне дружнее и дружнее.

Земскій начальникъ дѣлаетъ, однако, новыя попытки убѣдить сходъ въ необходимости принять высшій размѣръ обложенія.

— Тѣ, которые стоятъ ближе, —говоритъ онъ, —слышали, какъ я считалъ. Я сосчиталъ все. Вѣрьте мнѣ. Неправильностей никакихъ нѣтъ. Лишняго ничего не положено. Говорю вамъ, меньше шести рублей невозможно.

— Можно, можно! — единодушно, какъ эхо, возражаетъ сходъ. — По пяти! Довольно!

Земскій начальникъ, однако, не менѣе упрямъ.

— Нынче нельзя меньше шести рублей, — все еще продолжаетъ онъ убѣждать крестьянъ. — На будущій годъ, дѣйствительно, можно... Нынче заплатите за пожарную трубу, — а тамъ не будетъ ужъ этого расхода. Можно будетъ и еще что-нибудь уменьшить...

— И нынче можно! По пяти, по пяти! — стоитъ сходъ на своемъ съ большимъ единодушіемъ.

— Не хватитъ, такъ придется дѣлать дополнительную раскладку, добавлять, — дѣлаетъ земскій начальникъ послѣднее усиліе убѣдить сходъ, такъ сказать, обыкновенными доводами.

— Добавимъ! Тамъ видно будетъ! По пяти, по пяти!

Тогда уже, въ виду подобнаго упрямства схода, земскій начальникъ прибѣгаетъ къ инымъ доводамъ въ пользу своего предложенія, видимо, раздражаясь болѣе и болѣе.

— Если вы назначите только пять рублей, —заявляетъ онъ, —то я представлю приговоръ вашъ къ отмѣнѣ въ сѣздѣ, и ровно черезъ недѣлю вамъ придется вновь прогуляться на сходъ по тому же дѣлу...

Увы! не дѣйствуетъ и угроза.

— Придемъ хоть завтра! По пяти, по пяти!

Земскій начальникъ уходитъ въ «свою» комнату, видимо, крайне раздраженный.

Казалось бы, пятирублевое обложеніе было окончательно установлено. Слѣдовало немедленно составить и приговоръ въ этомъ смыслѣ. Но этого

сдѣлано не было. Съ уходомъ земскаго начальника наступилъ какъ бы перерывъ засѣданія, хотя онъ и не былъ объявленъ. Оставшись какъ бы безъ предсѣдателя, сходъ, въ его цѣломъ, пересталъ обсуждать раскладку. Онъ раздѣлился на группы и разошелся по коридорамъ правленія. Но и въ отдѣльныхъ группахъ слышатся тѣ же замѣчанія—въ пользу назначенія пяти рублей на осьмакъ; тутъ же принимаются отдѣльныя статьи расходовъ истекшаго года и указывается на возможность ихъ уменьшенія или и полного исключенія. Одна особенно многочисленная группа наиболѣе вліятельныхъ членовъ схода разсматриваетъ прошлогодніе расходы по самому докладу учетчиковъ и приходитъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Убѣжденіе въ достаточности пяти рублей на осьмакъ, повидимому, еще болѣе крѣпнетъ. Кажется, что если вновь послѣ перерыва будетъ обращенъ къ сходу вопросъ: «сколько?»—то единодушіе его обнаружится еще ярче.

Но къ послѣдней группѣ членовъ схода подходитъ старшина, побывавшій уже у земскаго начальника и успѣвшій, какъ оказывается, побесѣдовать съ нимъ по поводу упрямства схода.

— Какъ хотите, братцы,—заявляетъ онъ.—Постановите хоть по пяти рублей, мнѣ все равно. А только онъ говоритъ: не дамъ де вамъ тратить проценты съ капитала, если такъ... Тогда ужъ придется не по шести рублей платить...

При этомъ заявленіи лица всѣхъ присутствующихъ моментально вытягиваются.

— Сдѣлаетъ,—говоритъ кто-то съ убѣжденіемъ,—это, дѣйствительно, во власти земскаго начальника.

— Такъ ужъ и сдѣлано въ Полозовской волости,—подкрѣпляетъ другой представитель наиболѣе вліятельной группы схода, это убѣжденіе однообщественника, видимо, раздѣляемое и другими.

— Въ его рукахъ, можетъ, сдѣлаетъ! — раздаются подавленные голоса.—И по пятнадцати рублей будемъ платить.

Картина быстро мѣняется. Новая угроза сразу производитъ желаемое дѣйствіе.

— Потѣшите барина!—предлагаетъ старшина.—А то хуже будетъ...

Во вліятельной группѣ членовъ схода немедленно и созрѣваетъ согласіе «потѣшить барина».

— Постановимъ ужъ шесть рублей!

— Что-жъ дѣлать!—постановимъ...

— Ничего не подѣлаешь,—постановимъ...

— Пожалѣмъ рубля, —десять переплатимъ...

Здѣсь уже нѣтъ возраженій. Тутъ всѣ уже отступили отъ первоначальнаго рѣшенія. «Верхи» схода, члены, сидящіе напередѣ, готовы «потѣшить барина». Но какъ «низы», какъ остальная масса схода, помѣщающаяся назади, обыкновенно безучастная, а на сей разъ съ такимъ одушевленіемъ выражавшая свое несогласіе на предложеніе земскаго начальника и стоявшая за пятирублевое обложеніе?

— Скажите тамъ, чтобы соглашались на шесть рублей, — предлагаетъ одинъ изъ членовъ настоящей вліятельной группы схода, стоящій въ серединѣ ея, у стола, на которомъ лежитъ докладъ учетчиковъ, только что разсмотрѣнный съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ на самомъ сходѣ.

— Хуже, дескать, будетъ, — процентовъ не дастъ! — дается наставленіе нѣсколькимъ лицамъ, изъявляющимъ готовность идти и уговаривать одно-общественниковъ «потѣшить барина».

— Ладно, — говорятъ новые дипломаты, отправляясь исполнять порученіе.

Когда же, минутъ черезъ двадцать, явился земскій начальникъ и сходъ открытъ былъ вновь, предложеніе назначить по шести рублей на осьмакъ не встрѣтило ни одного достаточно громкаго возраженія и было признано принятымъ. Въ цѣломъ сходѣ, состоявшемъ не менѣе какъ изъ двухсотъ человѣкъ, не нашлось ни одного, который возбудилъ бы хотя сомнѣніе въ томъ, можетъ ли, дѣйствительно, земскій начальникъ не дать процентовъ и заставить болѣе нежели вдвое увеличить и безъ того непосильное обложеніе.

Н. Дружининъ.

